

Сергей ПСАРЕВ

В поисках
утраченного

Сергей Псарёв

В поисках утраченного

«Алетейя»

2015

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Псарёв С. И.

В поисках утраченного / С. И. Псарёв — «Алетейя», 2015

В книгу Сергея Псарёва, известного художника и писателя, вошли повести, рассказы и очерки, повествующие о повседневной жизни, творчестве и устремлениях наших современников. Тема ускользающей красоты превалирует в творчестве автора как в историческом, так и в лирическом жанрах, и продолжает волновать читателя своей недосказанностью, незавершенностью, неповторимым послевкусием совершаемого таинства.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Псарёв С. И., 2015
© Алетейя, 2015

Содержание

У костра последнего идеалиста	5
Об авторе и его творчестве	6
Тонкая струна	9
Двое	9
На берегу	13
Сильная женщина	15
Летний дождь	17
Теплый день осени	18
Весенний туман	21
Быдло	23
Золотая рыбка	25
Игра	28
Все забудется...	30
В ожидании праздника	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Сергей Псарёв

В поисках утраченного

У костра последнего идеалиста

Любому вдумчивому читателю в наше время очевидно, что литература двадцать первого века и сутью своей, и формой, и подходом существенно отличается от литературы второй половины прошлого века. Она стала глубже, вольней и правдивей, но в тоже время и циничней: школа двух минувших десятилетий не прошла даром,

И вот перед нами книга, несомненно, современная, дышащая духом наших дней, но в то же время оставляющая отчетливое впечатление чего-то навсегда потерянного, безвозвратно ушедшего, навсегда оставшегося достоянием прошлого...

Рыцарство, идеализм, хорошая, не пошлая романтика... Лирический герой Сергея Псарёва любит чистой любовью, страдает высоким страданием, умеет неподдельно сопереживать тому, над чем ныне даже в серьезной литературе принято посмеиваться. Он слушает рассказы о морских чудесах, он посещает нереальные, почти потусторонние тусовки – и выходит оттуда с вполне осязаемыми сокровищами в руках – чужими бесценными книгами – и невещественными, но драгоценными впечатлениями – маловостребованной гениальной музыкой, поэзией, песней...

Взрослый человек, он сидит у ночных костров таинственных молодежных плэйеров – и не качает снисходительно головой, как старший умудренный опытом товарищ, а радостно вбирает в себя молодое, жаждущее творчество – и сам получает силы и энергию творить...

Председатель секции прозы
Российского Межрегионального союза писателей

Наталья Веселова

Об авторе и его творчестве

Сергей Псарёв – член Российского Межрегионального союза писателей. В недавнем прошлом военнотружущий, ветеран космодрома Байконур. С 1993 года живёт в Петербурге. Печтается с 1982 года, автор повестей, рассказов, опубликованных в литературных сборниках "Вдыхая жизнь", "Виват Петербург", "Дарю любовь и принимаю" и литературно-художественных журналах "Золотое слово", "Мост". В 2012 году в издательстве "Нестор-История" Санкт-Петербурга вышла книга "Страницы времени". Электронные адреса творчества: <http://www.stihi.ru/avtor/spbsergey> и <http://vk.com/id63621429>

Участник персональных и городских художественных выставок. Автор относит свое увлечение живописью и рисунком к одному из самых любимых занятий в свободное время. "Меня больше увлекает сам процесс работы над этюдом, попытка отражения на бумаге или картоне увиденного рядом. Занятия живописью создают какое-то особое состояние. Это созерцание и отражение мира. Совсем не зеркальное, а то, которое отражается в тебе самом. Наверное, что-то подобное происходит со мной, когда хочется изложить свои мысли в рассказе или повести"...

Александр Богданович – доктор технических наук, поэт из Санкт-Петербурга, после посещения персональной выставки автора написал: "... Особенно мне понравились городские пейзажи Питера. Они импрессионистичны и очень совпадают с твоими эссе о городе. Тебе удастся передать ностальгическое любование нашим туманным прекрасным Петербургом. Я всегда завидовал и завидую художникам, у которых есть два преимущества перед поэтами. Они имеют неограниченно большее количество цветовых комбинаций и большую свободу выразительных средств, позволяющую уходить в обобщения, недоступные поэзии, вследствие ограниченности словарного запаса. Картина всегда доступнее... Если уж она висит на стене, то все, проходя мимо, смотрят на нее, а стихи еще нужно читать, да еще уметь прочитать..."

... Ты нашел свою интонацию, которая тебя спасает, о чем бы ты ни писал, хоть о городе, хоть о золотых рыбках... Рассказы твои в сборнике прочитал, хороши, хотя, может быть, иногда не хватает последних фраз. Мне близка твоя лирическая интонация"...

Светлана Леонова – поэт из г. Королева Московской области, о рассказе "В стране безмолвия": "Это тема "ускользающей красоты", уже не в историческом, но в лирическом жанре продолжает волновать меня своей недосказанностью, незавершенностью и привкусом уже не тайны, но таинства совершаемого. Узнаваемые образы, но перед глазами – сразу Ваша живописная работа "Свет Ксении", атмосфера ее и рассказа – та же... Ваши рассказы подобны киноленте – живой сменой картин."

Характерно для рассказов и то, что в них, непременно есть мысли-фразы, которые ослепительно вспыхивают... Здесь, совершенно очевидно, это: "У певца была открытая, почти комическая и какая-то совершенно беззащитная улыбка... Разве можно защититься такой улыбкой от мерзостей нашей жизни?"... И еще, очень важное... Такое понимание без слов, настроенных на одну волну, бывает у любящих. Подобные встречи приводят к Богу".

... "Теперь у меня появилась возможность дочитать Ваши "Записки молодого человека"... Здесь Вы другой, но связующая всё повествования философско-романтическая, светлая и горькая нить остается Ваша. Ужасающая кровавая мясорубка войны, и записанная почти сухим языком фактов картина особенно фотографично... Это история

Любви в истории Войны с достоверной точностью дневника... Когда потребность в Любви заострена неизвестностью, дыханием смерти, чистота отношений особенно ценна.

В ваших рассказах, стихах всегда означена хрупкость и неповторимость жизни и мягкий, но настойчивый призыв беречь и ценить красоту каждого мгновения. А последняя строка – долгий звук... и Память... Помнить, помнить и не забывать"...

Ольга Анина – поэт из Санкт-Петербурга о рассказе "Путешествие из Петербурга": *"Вы настоящий писатель, не графоман, русский человек по-настоящему неравнодушный к происходящему. Рассказ перекликается со многими любимыми мною рассказами Бунина о нищете, разорённой России перед первой мировой и перед революцией. Я согласна с Вами полностью. Сколько раз ехала поездом и видела покинутые деревни, сгнившие дома, заросшие бурьяном поля. Только вчера читала Дмитрия Лихачева о православии и русской вере. О том, что вера – это совесть каждого, его ответственность за поступки, что с безверием уходит духовность русского народа, а появляется стяжательство и прочие пороки. Пока совесть нечиста, не сможет наладиться и наша экономика, сколько новых законов ни придумывай... Как вернуть духовность, особенно молодёжи, которая не хочет хранить наши традиции и впитывает "бесовщину". Можно ли хоть что-то исправить?..."*

Ирина Калитина Каховская – научный сотрудник НИИ из Москвы, президент Фонда потомков героев русско-турецкой войны 1877–1878 гг. "Самарское знамя" о "Путешествии из Петербурга": *"...блестяще написано. То же самое можно увидеть по всей России. Все вымирает. В 2010 г. были на родине моих предков под Псковом на озере Наговье, где было имение прадеда, директор поселения говорит, что с изданием указа Министерства образования о сельских школах, селения обезлюдели – молодые семьи с детьми оставляли свои дома, огороды и перебирались туда, где дети смогут учиться. Она с прискорбием говорила нам: "Такое впечатление, что кто-то специально освобождает нашу землю от людей".*

Мне очень понравились тонкие акценты в рассказе:

"Депрессивная зона. Это, когда край гибнет без войны. Целые города, деревни".

"Нищета выедаёт глаза провалившимися крышами и заколоченными окнами".

"Небо за окном весеннее, синее. Ползут плоские облака, похожие на блины и пироги. Будто, печет их кто-то в огромной печи за горизонтом. Снег слежался и блестит на солнце, как начищенная сковорода".

"Рядом покосившаяся изба смотрит заколоченным фанерой окном, словно подбитым глазом".

"Может быть, здесь и начинается та, самая настоящая, а не придуманная в телевизионных ток-шоу Россия? Теперь она казалась Вольскому ближе и дороже. С таким чувством думают о неудавшейся судьбе своего ребенка, о старой и больной матери. В них много боли и слез, их и любят, поэтому более других"...

Ольга Головенкина – поэт из Москвы, о рассказе "На берегу": *"Время считало наши часы"... Так было и до нас, так будет и после. Как это странно! За уходящими куда-то часами утекает и радость молодости, и свежесть восприятия, и жизнь.*

В сущности – ничего не меняется. Я – это я. Ты – ты! Но зачем, зачем (я никак не могу понять – зачем это!) вместе с там, как время надевает свою безжалостную маску на каждое лицо, зачем что-то тонкое, светлое, нежное, словно бы прорастает, вначале тоненькой, потом все более и более жесткой корой, удерживающей настоящие чувства; только изредка, словно нечаянно, пропуская искорку, на миг освещающую и освящающую нашу нежность.

Старые часы вновь отсчитают положенный срок, все возвратится в памяти ярким бликом. Помнишь, как там, над водой, между облаков удивительно плеснуло потоком свет заката? – так же оживут во мне те дорогие часы и в тихой комнате, в полутьме, станет все другим...

Пуškai – прошло, но было... Это было! И все это нужное и дорогое, все – мое.

Знаешь, я сегодня скажу тебе – мне есть чем жить. У меня было так много счастья, только посмотри: суббота, воскресенье, понедельник, вторник... И целое утро среды"...

Об эссе "Невский проспект": *"Ты знаешь, я почувствовала себя школьницей на уроке литературы, который слушает целый класс, раскрыв рты, и с обожанием смотрит на люби-*

мого учителя. Я сижу на третьей парте... Слушаю, смотрю, и думаю: "Ах, почему я маленькая, а Он уже учитель! Как это несправедливо!"

Как мне уютно и хорошо рядом с тобой мысленно по любимым улицам любимого города идти. Пусть он одрях, пусть все, что ты говоришь – правда. Я знаю, что это правда"...

Тонкая струна

Нас всегда объединяла общая радость.

Горе тоже объединяло, потому что его делили на всех и даже становились от этого сильнее. Пусть об этом все помнят...

Когда-то, после похорон отца-фронтовика, мне приснился странный сон. Вроде, сидим мы с ним за одним столом, разговариваем о жизни. Поднимаю я стакан, чтобы помянуть его, а он без дна. Так отец рассмеялся и говорит мне, что за все горе на Руси не выпить. Это за радость можно, ее всегда меньше у каждого было. За то с ним тогда и выпили вместе, за этим поминальным столом...

Двое

В вагоне электрички жарко от сдавленных в проходе тел. Пот висит хлопьями, словно пена бешеной собаки. Это почти не портит общего праздничного настроения людей, вырвавшихся на выходные из города. В открытые окна уже рвутся струи пьянящего лесного воздуха. Над выходом в тамбур бегущая строка сообщений времени и остановок. Сейчас будет Белоостров, и до моего Репино уже рукой подать.

По проходу через тележки с сумками к выходу пробирается молодая женщина с годовалым ребенком на руках. Ребенок – смуглый мулат с глазами пугливой антилопы. Женщина зябко съезживается под липкими пристальными взглядами. Неожиданно она, словно защищаясь, крепко прижимает к себе малыша и быстро целует его. Через пару минут женщина растворяется в толпе за окном, и все снова переключаются на обсуждение погоды и холодного северного лета.

Репино, ровное полотно платформы. Мелькают, ускоряясь, убегающие вагоны, словно кадры старого забытого кино. Гудят натруженные рельсы. Тишина, пахнуло запахом прогретой на солнце хвои. Внизу маленький базар: баночки с засолами, кучки крохотных лисичек и подосиновиков. Все дальше через лес в сторону залива по знакомой тропинке.

Почерневшая от времени деревянная дача с резными наличниками утопает в кустах разросшейся сирени. Шурочка сидит на веранде в длинной цветастой юбке и внимательно рассматривает поднимающиеся кольца дыма своей длинной сигареты. Вокруг разливалась ленивая дремота и, казалось, даже воздух застыл в каком-то томительном ожидании. Осторожно целую краешек ее губ и начинаю раскладывать привезенный с собой грунтованный картон, этюдник с красками. В молодости Шурочка закончила Мухинское и теперь много лет профессионально занимается живописью. Мы знаем друг друга очень давно. Кажется, даже постарели рядом. У нее короткая стрижка под мальчика и узкое лицо, не знающее косметики. Тонкая, почти детская фигурка всегда вызывала ощущение хрупкой вещи, которую так легко потерять. Шурочка никогда не была красавицей, но обладала особым внутренним шармом, который необъяснимо притягивает мужчин. Во всем ее облике и осанке, в изломанной линии тонких рук сквозило то, что принято называть породой.

Медленно идем вдоль берега залива босиком. Песок теплый, и его прикосновение кажется приятным. Оно приводит нас в какое-то сонное, умиротворенное состояние. Вода еще не прогрелась, и берег превратился в главную артерию, проспект для бесконечных прогулок. Через два-три дня лица встречающих гуляющих кажутся знакомыми. Идем молча, но при этом не испытываем неловкости и ожидания. Время научило нас говорить и понимать без слов: просто было хорошо вместе.

Шурочка пробует ногой и осторожно входит в воду, приподнимая край длинной юбки. Смеясь, она запрокидывает голову и вскрикивает: "Ой, совсем холодная!" Плотные ровные зубы вспыхивают. Смех завораживал, и мне захотелось производить впечатление, блистать силой и остроумием. Ее хрупкая качающаяся на скользких камнях фигурка, обнаженные икры загорелых ног будили тайное желание. Шурочка делает еще несколько неловких шагов и с беспомощной улыбкой оглядывается на меня. Через мгновение подхватываю ее на руки и не чувствую веса. Шурочка, прижимаясь, крепко обхватывает меня за шею и, кажется, что наши сердца бьются в один такт.

Когда же я почувствовал это впервые, где это было? Теперь уже, наверное, и не вспомнить...

В то время нравственные правила еще не считали предрассудками. Отношения наши с Шурочкой заходили все глубже, но подойти к заветной черте я позволил себе только через три месяца знакомства. Как потом оказалось, страхи нарушить наши отношения одолевали меня сильнее, чем Шурочку. Среди ее кавалеров было много солидных и интересных людей. До сих пор не могу понять, почему тогда она выбрала именно меня.

Мы повернули от берега в сторону леса. Это глухое местечко открылось перед нами, словно созданное лесным мастером. Мы легли, и началась игра прикосновений, поцелуев и вновь прикосновения. Шурочка казалась мне частью налитой летними соками природы, будто целовал в тот день цветы и ослепительную прозрачную листву.

Над нами смыкались сосны, ловили солнце в дивную зеленую сеть. Начинающийся день обещал много тепла и счастья.

Внезапно хрустнула ветка. Я встал и увидел приближающуюся пожилую пару. Они смотрели на нас с явным осуждением.

– Уходите отсюда, совсем стыд потеряли.

– Что такое? – спросил я.

– Это территория профсоюзного санатория.

Они удалялись с большим достоинством. В этот день более нелепой причины выставить нас никто бы не придумал. Мы бежали, шли, хохоча и держась за руки.

Неизвестно, как бы развивался наш роман дальше, возможно он быстро истощился бы, как это бывало у меня в молодости. Но в этот раз мы проявляли немало изобретательности, создавая условия для новых и новых встреч.

Сегодня мы гуляем по берегу далеко за полночь. Стоял конец июня, самый разгар белых ночей. Пламенеющий закат отступил, светлел и укрывался набегающими тучами. Все вокруг наполнилось серыми красками. Теперь светилась только вода в заливе и этот край неба. Мир растворился в странном рассеянном полусвете, в котором больше не было теней. У нас их тоже больше не было. Начинаем представлять, что кто-то похитил их у нас... Вот такая фантастика эти белые ночи!

Возвращаемся на дачу лесной тропинкой. Тихо, как воры, не включая свет, поднимаемся по лестнице на второй этаж в Шурочкину комнату. Мы мокрые и голодные. В темноте едим соленый сыр и запиваем вином. Тепло волнами прокатывается по телу. Ноги уже не держат. Валимся на постель, которую еще нужно согреть своим телом. Вместе с физической усталостью и наступавшим за этим теплом приходит сон.

По лицу у меня скользит солнечный зайчик. Не вижу, но чувствую его тепло. Осторожно открываю глаза и не двигаюсь: на плече у меня лежит головка Шурочки. Лицо ее тронуло румянцем, припухшие губы слегка приоткрыты и обнажают ровные белые зубы. Она совсем не изменилась, Шурочка. Разве только эта сеточка морщинок возле глаз. Ее сильные тонкие руки теперь стали суше, а пальцы еще длиннее. Чувствую размеренное биение ее сердца, чувствую ее всем своим телом. Было так хорошо, что хотелось остаться в этой вечности. Сон мягко наваливался и уходил снова.

Запахло свежим кофе. Шурочка сидит рядом и тормозит меня холодными руками. Потом что-то шепчет и целует прямо в ухо. Я обнимаю ее, и мы снова оказываемся вместе, ощущаем друг друга каждой клеточкой. Теперь Шурочка внимательно рассматривает мое лицо. Она медленно ведет пальцем по линии бровей, губ, будто рисует или запоминает их.

– А ты совсем не изменился...

– Почти, разве только самую малость, – отвечаю я.

Мне не кажется странным, что мы думаем и говорим об одном. Ведь за долгие годы мы стали чуточку похожи. Теперь в зеркале шифоньера мне хорошо видно, как сильно поседела голова, а мое красноватое лицо режут глубокие морщины. Значит, нужно было так постареть, чтобы понять все это и полюбить по-настоящему.

В эти дни нам хорошо работалось. Вместе писали на этюдах берег залива с валунами, звенящие на солнце сосны и даже тихую заросшую гладь пруда в усадьбе И.Репина.

Сумрак комнаты и эта тишина без мобильных телефонов и не нужного здесь телевизора. Время течет медленно, по капельке. Здесь совершенно выпадаешь из его бега. Теперь мы, как эта старая дача, совсем из другой эпохи, а может, просто задержались здесь еще на время. Это только вещи живут дольше людей, они еще остаются и сохраняются – мы же уходим навсегда. Что останется, память? Но ведь она есть не у каждого. Часы, шурша стрелками, неумолимо отсчитывают наши часы и минуты. Так уж устроен мир, что хорошего в жизни всегда меньше, и оно быстро заканчивается.

День стоял теплый и пасмурный. С утра над заливом бродил туман, а после десяти часов снова зарядил дождь. Небо без просвета, и так уже третий день кряду.

Шурочка много курит и раздражается по любому поводу. Я терпеливо отмалчиваюсь и, начиная против своей воли мысленно переноситься в теплую городскую квартиру, с ее чистой и горячей ванной. Тоска по городской цивилизации все больше щемит сердце.

Словно чувствуя это, Шурочка решительно переключается уже на меня:

– Ну разве так можно писать?

Она берет мою последнюю работу, которую еще недавно хвалила.

– Посмотри на этот ужасный синий цвет, передний план совершенно изжеван. Да, это этюд, но ты до сих пор не оттолкнулся ни от одной серьезной темы. Только проекты и сплошная сувенирная любительщина.

Это последнее больнее всего ранит мое самолюбие. Самое обидное было то, что Шурочка говорила ту правду, которую до этого позволял себе только сам. Молча ломаю свой картон и начинаю неторопливо собирать вещи. Отпуск заканчивался, и лишняя пара дней здесь для меня уже ничего не решала. Шурочка отворачивается и плачет. Ее лицо с мокрыми глазами казалось разом поблекшим и увядшим.

– Ну, перестань, милая, – говорю я и кладу руки на ее вздрагивающие плечи.

Кажется, что в этой жизни мне так и не удалось сделать кого-то счастливым. Но разве любовь обещает каждому из нас счастье и не обрекает на бесконечные муки? Жизнь снова возвращала нас в реальность свободных отношений, в которых мы, однако, были накрепко привязаны друг к другу и уже ничего не могли изменить.

Снова постукивают колеса, а бегущая строка отсчитывает наше время. В вагоне душно. Внезапно исчез звук, будто уши мои заложило ватой. Все куда-то уплыло вместе с дремавшими пассажирами и исчезло вовсе. На мгновение совсем рядом, показалось лицо Шурочки, молодое из нашей первой встречи. Это было только мгновение. Сердце больше не билось в один такт, оно молчало.

На берегу

Сегодня стоило хорошо закрепить этюдник. Вот так, теперь не снесет. С залива дует сильный порывистый ветер. Этот мыс из гранитных валунов всегда был нашим любимым местом на берегу. Что-то дикое, первозданное было в этих каменных гигантах и взмывающих вверх соснах. Он был нашим причалом и местом уединения.

Погода испортилась окончательно. Линия горизонта терялась за низкими тучами, струившимися словно дым. Волны раскатывались по мелководью и с размаха бились о прибрежные камни.

Помню, что раньше писал это место в июне, ранним утром. Тем интереснее было сделать это сейчас, когда оно изменилось совершенно.

Быстро набрасываю контуры будущего рисунка и перехожу к цвету. Все стремительно меняется на глазах. Очень скоро приходится отойти под плотную крону деревьев, начинается дождь.

Отрываюсь от работы и начинаю кормить чаек. Теперь кажется, что они собрались сюда со всего берега. Крошки выхватываются почти из рук, налету. Настоящая феерия из взлетающих брызг, свиста крыльев и крика голодных чаек. Наконец, натура была найдена мною полностью...

В таком движении успеваю только намечать изображение и выделить основные цветовые планы быстрыми мазками. Кажется, осталось ощущение некоторой незавершенности.

Дождь усиливался, сверлил свинцовую воду фонтанчиками разрывов. Теперь чайки важно ходили среди бегущей по песку воды и с криком требовали продолжения банкета.

Истопившись, дождь на время закончился, стало светлее. Мимо меня на песок шлепается знакомая сумка. Оглядываюсь, и через мгновение вижу Шурочку, смело прыгающую через завалы камней. Сегодня она в узких джинсах, футболке с длинными рукавами и буквально искрится скрытой энергией. Ее короткую мальчишескую стрижку льняных волос венчает задорная челка.

Шурочка усаживается рядом и внимательно изучает мой этюд. Тонкие брови ее поднимаются вверх, и она одобрительно кивает головой. После этого Шурочка уверенно показывает мне большой палец руки. Это означало у нее положительную оценку.

– А знаешь, неплохо. Даже очень. И больше не трогай ни-че-го... Уйдет эта свежесть и ощущение движения.

Теперь мы сидим на днище старой лодки и вместе с чайками доедаем остатки пирога с капустой.

– Смотри, смотри, – говорит Шурочка, – а эта чайка совсем не может летать.

– Да, это, кажется, подранок. Кто-то упражнялся на ней, скорее всего из пневматики на каком-нибудь пикнике. Чайки здесь очень доверчивы по отношению к людям.

– Что же теперь с ней будет?

– Скорее всего, она погибнет, умрет с голоду. Чтобы жить, птица должна летать.

Нам обоим очень жалко эту несчастную искалеченную чайку. Теперь неловкая, грязная, она боится всего и не подходит к нам. Все крошки вокруг подбирают здоровые, сильные птицы. У Шурочки краснеет нос, и наворачиваются слезы.

– Какая бессмысленная жестокость... Помнишь, у Чехова в "Драме на охоте", Сергей Петрович спокойно взял и добил раннего кулика. Ты бы смог, вот так взять и добить птицу?

– Не знаю, там же была охота. Нет, наверное, нет. Я и охоту за это не люблю...

Кажется, Шурочка решала этим какую-то важную задачу для себя. Теперь она облегченно вздохнула.

К вечеру ветер усилился. Стоял непрерывный шум, трещали стволы деревьев. Старая дача, словно живое существо, пришла в движение. По углам скрипели половицы, двери открывались сами, будто кто-то невидимый ходил по комнатам. Где-то далеко, за дорогой, громы хало оторванное железо, по стеклу снова барабанил дождь. По стенам скользил бледный свет проезжавших мимо автомобилей. С улицы слышались голоса, кто-то спешил мимо.

Шурочка прижалась, превратившись в маленький дрожащий комочек. Потом все стихло и утонуло в темноте. С ней пришло ощущение близости и тепла. Все происходившее куда-то отдалялось, и мир не казался больше таким значительным. Он сжимался до расстояния близости тел и уже она, эта близость, становилась для нас самой надежной защитой.

Нам еще долго слышался мерный рокот волн со стороны залива. Он умолкал и снова усиливался. Словно неведомый нам морской предводитель гнал и гнал вперед седые от пены шеренги своих солдат на приступ осажденной крепости. Шаг за шагом рвутся они по прибрежным скалам, круша израненный битвой берег.

Сильная женщина

Медленно иду по горячему песку вдоль берега. Мимо лежащих тел, словно через поле битвы. Кажется, сегодня солнце побеждало, и тела уступали, прятались в тень. Усиленная автомобилями, мотоциклами, мотороллерами и вездеходами человеческая плоть вновь и вновь шла в наступление.

Плоское блюдо залива блестело как зеркало. Вода отошла, обнажая поляны зеленых водорослей и торчащие, словно спины доисторических животных, камни. Присаживаюсь на один из них и начинаю набрасывать в альбоме живописную группу загорелых девушек, едва прикрытых лоскутками купальных костюмов. Заметив внимание, они начинают откровенно позировать.

Из-за ближайших кустов стелется сизый дым и запах горящего мяса, сдобренного специями. Ну, какой же русский отдых обходится без шашлыков? Это такое же незыблемое правило, как и охота до быстрой езды. Помутневшие от спиртного и солнца глаза. Красные, медленно жующие потные лица, висящие подбородки и дрожащие как студень груди, – все это сливалось в одну кривую гримасу. Ощущение вечного праздника безделья дополнялось проходившей в соседнем кафе свадьбой. Неувядающим голосом комсомольского работника невидимый ведущий уверенно выстраивал действия гостей и поздравлял молодых. Звучала музыка из бразильских сериалов.

Больше уже работать не хотелось. Поднявшись в верхнее кафе, едва успеваю несколькими линиями набросать одинокую фигурку дамы в шляпке с крохотной собачкой на руках. Она будто искала кого-то и совершенно выпадала из атмосферы общего праздника. Почувствовав мой взгляд, она нервно поводит плечами и быстро уходит.

Теперь неспешная чашка кофе за столиком. Звонок моего телефона словно взрывает этот мир тревожным сигналом.

– Где ты сейчас? Мне очень плохо, слышишь? Приезжай, я...

Было странно, но в этот момент оказываюсь почти рядом. Нас разделяло всего несколько сотен метров.

– Я уже здесь, я бегу...

– А ты ведь не ждал моего звонка...

Лифт, длинный коридор гостиницы с открытой настежь дверью. Ее фигура у окна. Всегда тонкая и прямая, сейчас она будто сломанная грубой рукой игрушка. Казалось, непосильная тяжесть опустилась на плечи. И глаза, беззащитные и широко открытые... Так смотрит ребенок, которого ударил взрослый человек, хорошо уверенный в своей безнаказанности.

Осторожно беру ее руки: пальцы холодны как лед. Сжимаю их в своих ладонях, они теплеют. Вот мы и опять рядом. Капля за каплей уходит боль и обида. Теперь тревоги видятся нам легче, уже как бы со стороны.

Мы ведь давние друзья и дорожим своими отношениями, но видимся очень редко.

– Все же приятно, что в такие минуты я оказываюсь первым в списке твоих друзей.

– Ты не груб, как многие, и с тобой всегда как-то спокойнее за себя.

Она постепенно возвращалась в прежнюю себя, ироничную, уверенную в себе женщину. Только в уголках серых глаз еще затаились маленькие льдинки. Может это оставались слезы, которые она всегда умела скрывать.

– Только не очень обольщайся на свой счет. Ты ведь знаешь, что мне никто не нужен. У тебя творческая натура, а мне с такими людьми всегда не везло. Ты ведь тоже всегда один.

– Люди искусства не слишком хороши для семьи. Они заняты больше собой, ищут признания и хотят, чтобы служили им, – отвечаю я.

Она была одной из тех успешных питерских женщин, для которых любая цель достижима, нужно только сильно захотеть и много работать. Это давно стало жизненным принципом. Каза-

лось, ее годы остановились где-то чуть за тридцать. В таком возрасте женщина может находиться сколь угодно долго, если умеет следить за собой. Только нужно всегда находить чуточку времени для себя. Даже в спортивном зале, где мышцы тянутся до боли.

Нет, здесь не было любви к себе. Это давно превратилось для нее в жестокую необходимость существования, планку, которую ниже не опускала.

Совершенно незаметно для себя мы оказались в мире вещей, нужных и не очень. Удобные, красивые вещи любят и берегут. Какое-то место в этом мире занимаем и мы. Нами ведь тоже пользуются, как бы при этом не называли. Иногда беззастенчиво используя, потом отбрасывают и забывают. Как старую вещь, как надоевшую игрушку. В таком мире все имеет свою цену. Значит, ее нужно постоянно поддерживать, но со временем это становится все труднее. Только нужно еще постараться не сойти с ума. Иногда все это кажется мне странным, дурно затянувшимся сном. Стоит только разом очнуться, подставить воспаленную воображением голову под ледяную воду, и все приобретет нормальный человеческий вид.

Теперь мы сидим на полу, и я осторожно кормлю ее черешней из своих губ в ее ждущие, приоткрытые губы. Медленно, жадно целуемся до изнеможения, два истосковавшихся по теплу и ласке человека.

– У нас с тобой все как в песне, про то, как встретились два одиночества, развели у дороги костер...

В эту светлую летнюю ночь она была и сильной, и слабой, и беззащитной. Но именно такой она нравилась мне более всего.

Наступило утро следующего дня, и снова жаром накалялось летнее солнце.

Украдкой люблюсь совершенными линиями ее обнаженного тела, блеском глаз, в которых осталось тепло и усталость прошедшей ночи. Она чувствует это и отвечает счастливой улыбкой.

Позвонила дочь. Теперь она с живым интересом наблюдает за моим разговором по телефону.

– Какие у тебя хорошие и доверительные отношения с дочерью.

– Да, я очень люблю ее, она самый близкий и дорогой мне человек.

У нее тоже была взрослая дочь, но отношения порой складывались трудно. Наверное, приходит такое время, когда у женщин это получается иногда немного сложнее, чем у мужчин.

На парковку к гостинице подъехал автомобиль дорожной полиции. Кто-то из наших соседей развлекался и гонял ночью на встречном движении по Приморскому шоссе. Случилась авария, пришло время разбираться и платить по счетам.

Она тоже любила свой автомобиль, похожий на серебристый снаряд. Любила мчаться на нем по дамбе через гладь залива, нырять в длинный гулкий подводный тоннель. Казалось, что в какой-то момент за спиной вырастали крылья, и колеса уже отрывались от земли, воздух рвался и свистел в ушах. В такие мгновения она могла забываться и не думать совершенно ни о чем.

Я снова и снова набираю номер ее телефона. Трубка не отвечала, гудки... Охватывала тревога за человека доверившегося тебе и ставшего очень близким. Может быть сейчас, там, за этим поворотом мелькнет стремительно ее серебристый автомобиль, и снова услышу самые простые в мире слова:

– Здравствуй, это я...

Летний дождь

Какими томительно долгими стали теплые вечера, как коротка и быстротечна белая ночь... В зеленых парках на островах расцвели тысячи тюльпанов, а из темных зарослей и узких аллей льется густой запах черемухи. В это время с нами что-то происходит, какое-то необъяснимое волшебство... Неожиданно захотелось делать глупости и не бояться показаться смешным. Можно было не пугаться дождя, потому что он теплый, а гром похож на ворчание доброго старика... Только для всего этого нужен еще кто-то рядом, и он тоже должен поверить в такое волшебное превращение...

Нас обоих заботливо укрыл от дождя старый клен. Ведь именно сегодня, мы оба странным образом забыли взять свои зонты, а гулять не собирались вовсе... Один клен – одна крыша на двоих... Это ничтожно мало и так много в жизни для двоих, как сложится... Мы еще сами не знаем этого... Пока нужно просто встать очень близко друг к другу и прижаться к сухому шершавому стволу. Твое мокрое лицо неожиданно оказывается совсем близко, а глаза кажутся такими огромными, что хочется раствориться в них или утонуть. У них изменчивый болотный цвет, как вода в этом заросшем пруду. Внезапно нахлынувшее тепло стало общим для нас обоих, как и солоноватый вкус наших губ...

– Почему-то начинает казаться, что я увидел тебя только сейчас, впервые...

– Мы оба это так чувствуем...

А может быть только так можно видеть и чувствовать любимую женщину? Все, как в первый раз и не хочется слушать голос своего разума, только биение сердца...

– Давай, спросим об этом у нашего старого клена? Сегодня он у нас общий, один на двоих...

– Он всегда только молчит и думает...

Ты смеешься, счастливая, но иногда в глазах тенями прячется боль. Мы ее всегда чувствуем друг в друге... В этом наш приговор, наказание Божье или его награда. Так было даже в наш первый день, это было встречное движение душ...

Поверхность пруда стала серебряной от струй дождя, мокрые ветки клена согнулись и осыпали нас каплями...

– Побежали?

– Да, сейчас, только сниму туфли...

Бегом, по лужам... Теплый асфальт... Духовитый запах черемухи, кажется, стал еще сильнее. Мокрое облегающее платье делает тебя обнаженной и еще более красивой. Не платье, а ты сама теперь соткана из этих цветов и узоров...

Дождь прошел так же внезапно, как и начался. Отгремел, выплеснулся и скрылся вместе с тучами за свинцовой гладью Финского залива. На Западной стрелке Елагина острова, между статуями сторожевых львов, пламенеет несгораемая полоска заката. В этом мире нас было только двое, и этот мир сегодня принадлежал нам.

Теплый день осени

После затяжных холодных дождей над Питером снова выглянуло солнце. Осенние цвета стали яркими и пронзительными. Казалось, что природа истратила для этого все свои силы, словно выдавила их из себя, как краску из тюбиков. Все, до самой последней капли.

Стены театра рядом со мною были празднично весеннего цвета. Они уходили вверх и нависали старыми большими часами. Тяжелые стрелки показывали около 17-ти часов. Мы снова должны были встретиться.

В жизни тоже бывают свои похолодания и ледниковые периоды. Потом в ней появилась ты, и снова наступила весна. Это совсем неважно, что на дворе стоит поздняя осень. Ведь в самую первую нашу встречу у обоих возникло чувство близости. Казалось, мы давно знаем друг друга. Просто не виделись. Мы целуемся и говорим друг другу совсем незначашие слова. Так часто делают при встречах. А о самом главном почему-то молчат или медлят. Вот и сейчас за нас это делали глаза.

– Как ты жил без меня все эти дни, ты ждал этой встречи?

– Я жил только ожиданием. Вчерашний день показался самым счастливым из них, потому что приближалась наша встреча. Кажется, что если бы ты не пришла, весь этот мир стал для меня серым и блеклым.

Осеннее солнце сегодня яркое, но греет оно мало. Время тепла прошло, и оно неудержимо катится к закату. Становится холодно, и мы как бездомные городские птицы, ищем себе теплое место. Но в каменном лабиринте переулков нет ни одного кафе, и мы заходим в костел. В храме светло и пусто. Где-то слева в углу идет служба. Ее ведут на русском языке, иногда переходят на латынь.

Отче наш, сущий на небесах!
да святится имя Твое;
да придет Царствие Твое;
да будет воля Твоя и на земле, как на небе;
хлеб наш насущный дай нам на сей день;
и прости нам долги наши,
как мы прощаем должникам нашим;
и не введи нас в искушение,
но избавь нас от лукавого. Аминь.

Мы не слишком увлечены молитвою и пришли сюда только ради тепла. Просто на нашем пути оказался храм Божий, и он дал нам его. Мы садимся в противоположном углу и оживленно беседуем. Твои ладони холодны как лед, я беру их и больше не отпускаю. Чувствую биение пульса и растекающееся тепло.

Наверное, мы выглядели здесь странной парой, заглянувшей на чужой праздник. Лики святых показались мне суровыми и осуждающими. Только святая Дева Мария смотрела задумчиво и печально. Кажется, она знала про нас все. Скоро служба закончилась. Мимо шли какие-то люди, молодая женщина с ребенком на руках. Ребенок плакал и искал грудь. Потом прошел ксендз в красивых светлых одеждах. Скоро он вышел из комнаты у алтаря в модном пальто и длинном белом шарфе. Ксендз все еще молодо выглядит и чем-то неуловимо напоминает отставного военного прежней эпохи. Манеры его изысканны, а в каждом движении чувствуется скрытая внутренняя сила и стать. Это был, несомненно, *comme il faut*, благовоспитанный человек общества. Такое не приобретается разом вместе с банковским счетом и роскошным

автомобилем. Оно у человека либо есть, либо никогда не будет. Он останавливается возле нас с легким поклоном...

– Кажется, панна что-то хочет спросить?

– Нет, просто мы... Мы пришли сюда слушать органную музыку, – быстро находишься ты.

Ксендз улыбается, галантно кланяется и быстро уходит. Мы остаемся в костеле вдвоем, совсем одни. Может быть, рядом с нами был еще Господь, но совершенно невидимый. Удивительные чувства охватили. Будто это мгновение разом и навсегда соединило нас. Если не здесь, то где-то на небесах. Все это, наверное, мы испытываем оба и поэтому скрепляем поцелуем. Я осторожно трогаю твои губы и чувствую их встречное движение.

Время бежит незаметно, и вот уже снова собираются люди. Начинается концерт органной музыки. Теперь наши души плывут в величественных звуках Фантазии Петра Эбена, бывшего узника концлагеря Бухенвальда. "Moto ostinato" из цикла "Воскресная музыка". Перед моими глазами почему-то начинают возникать образы из Священного писания, сцены Страшного Суда. Органная музыка часто живет во мне именно такими образами: живописью, смыслом и словом. Она формирует какое-то особое пространство, где звуки не живут сами по себе. Это какое-то послание свыше, встреча с неизведанным.

Концерт продолжается дальше и звучит Соната № 2 Пауля Хиндемита, носителя немецкой культуры, потом знаменитая Сюита ор.5 француза Мориса Дюрюфле. Передо мной возникают новые фантастические образы, бесконечное движение воды в ручье или волны океана.

Все эти авторы – современники нашего двадцатого века, века великого и страшного по своим событиям, но каким будет век нынешний, еще не знает никто.

Смолкли звуки органа, и перед нами выводят исполнительницу, Дину Ихину. Очаровательная темноволосая девушка улыбается и кланяется нам. Настоятель храма благодарит ее за исполнение и преподносит букет цветов. Делает это он с безупречной галантностью, чем срывает еще большую волну аплодисментов.

После концерта не удерживаюсь и засыпаю настоятеля храма своими вопросами. Меня интересует большая икона у самого алтаря, где упокоены мощи Святого Станислава. Кажется непонятным изображенный на ней библейский сюжет...

– Как, Иисус сходит с креста? Я такого не знаю.

– То фантазия, вольность изображения художника, – улыбается отец Кшиштоф Пожарский. – На этой иконе святой отец служит мессу. Иисус отвечает молящемуся, и отдает ему самого себя. Он приходит к нам через совесть. Это сердце Иисуса, которое возлюбило человека и отдало за него свою жизнь.

– Скажите, почему у меня возникает особое состояние именно в этом месте, у святой Девы Марии? Она скорбно разводит свои руки и будто создает этим особое пространство.

– В вашем сердце сейчас нет Бога, но есть любовь. Бог – это тоже любовь. Первый дар его – это дар любви к нам. Может, быть поэтому...

Он смотрит на нас, слегка наклонив голову, и снова улыбается, иронично и мягко.

– Приходите сюда еще...

Мы благодарим его, раскланиваемся и направляемся к выходу. Прямо под нашими ногами надпись на плите: "Время уходит. Вечность ждет". А еще – изображение часов. Стрелки на нем показывают 10 часов 8 минут... Да, время уходит. Сколько его осталось у нас для счастья, для земной радости?

Идем молча, все еще находясь во власти волшебной музыки. Во мне нет ни капли религиозности. Если и стоит молиться кому-то в этой жизни, то именно женщине, которая рождает на свет новую жизнь.

Эскалатор, метро... Кажется, этот мир уже не существует. Медленно и долго целуемся.

– Господи, что мы делаем? Ведь не молодые уже. Меня сейчас мои студенты увидят... Нет, нужно остановиться, – говоришь ты.

Не торопясь идем по перрону. Это все еще наше время и мы его не торопим... Теперь ты читаешь мне стихи, сонет Шекспира...

Люблю, – но реже говорю об этом,
Люблю нежней, – но не для многих глаз.
Торгует чувством тот, что перед светом
Всю душу выставляет напоказ.

Да, я тоже помню эти строки. Конечно, с Уильямом Шекспиром не поспоришь. Все так. Но как быть с чувствами, если они в тебе есть? Всегда удерживать внутри и молчать? Чтобы стать похожим на всех остальных, счастливых и несчастных? Даже слезы стараемся экономить, боясь проявить себя, и только в старости становимся безудержно чувствительными. Мы так научились сдерживаться, что разучились лазить в окна к любимым женщинам... Стоп, кажется, все это я уже где-то слышал в лучшем исполнении. В наш прагматичный век многие уважающие себя мужчины предпочитают входить в дверь, ездить на хороших автомобилях и отдыхать в Испании.

Мы снова целуемся и все же прощаемся, обещая себе новую встречу. Она непременно будет, но мы еще не знаем где и когда. Время всегда есть, но и оно уходит.

Сегодня мы остановили нашу осень. Какой она у нас будет? Об этом знаем только мы сами...

Наступивший день показался серым и неудобным. Мне совершенно расхотелось ехать на этюды в Новую Голландию.

Весенний туман

Мы тогда засиделись за картами до полуночи, а потом пришло время рассказывать разные удивительные истории. Признаюсь, две бутылки Hennessy, тоже сыграли в этом свою коварную роль. Пожалуй, из всех историй мне более всего запомнилась одна, которую нам рассказал хозяин квартиры, художник Врублевский. Он тогда потягивал из рюмки янтарную, ароматную жидкость, говорил со значением и не торопясь. Тень от лампы делила его лицо пополам. Мне были хорошо видны кончик его крупного носа, чувственные, красивой формы губы и твердый бритый подбородок.

"В жизни происходит много удивительного, порой необъяснимого. Воля ваша верить мне или нет. Неделю назад после напряженной работой над последней картиной, я едва не забросил ее в камин. Все получалось неудачно и блекло, работа совсем не шла. Утром следующего дня было решено все отложить и пойти на лыжах по Лахтинскому разливу. Стоял легкий мороз, но неожиданно за окнами свалился густой, как молоко туман. Свет фонарей поднимался сквозь него, как из подземелья, мертвый и бледный. Однако через час он ушел, и над горизонтом в дымке засверкало холодное малиновое солнце. Лучшей погоды для прогулки невозможно придумать. За час я пробежал на лыжах по лесу до самого Ольгино и теперь возвращался обратно по льду. Снег лежал совсем нетронутый, сверкал на солнце до боли в глазах. Вокруг была совершенно ровная, как белая скатерть, поверхность, линии горизонта не видно совсем. Все это создавало ощущение какой-то бесконечности и покоя. Туман посеребрил вдоль берега деревья инеем и продолжал висеть где-то впереди. Вдруг вижу: что-то приближается ко мне в тумане, идет очень быстро. Скоро замечаю какую-то странного человека с посохом. Точно, это был не лыжник, и своим посохом он работал как веслом. Даже не шел, а надвигался на меня вместе с туманом. Теперь вижу огромную красивую девушку в облегающей серебристой тунике, словно ожившая кариатида из старинного дворца. Только была она раза в три больше обычной, человеческой. Нет, она совсем не шла, а скользила вместе с туманом, не касаясь поверхности льда. У этой странной девушки было узкое лицо, большие, притягивающие глаза болотного цвета и рыжие волосы, убранные сзади в короткую французскую косу-колосок. Руки у нее красивого тонкого рисунка, с длинными пальцами и были теперь сложены на груди. Ничего не говорит, проходит через меня как облако, ни понять, ни испугаться не успел... Слышу, что-то рядом упало со звоном. Поднимаю – осколок льда, похожий на звездочку, он тут же тает у меня на ладони. Будто и не было его, и ничего вообще не было, все исчезло. Снова светит и играет солнце над кипящей поверхностью этого странного тумана. Как седые великаны показались в нем, уже вполне реальные, ближние высотные здания. На самом крае тумана теперь всеми цветами играла радуга. Не поверите, но тогда я первый раз увидел радугу в такой морозный день. Только тогда ко мне пришел запоздалый страх, губы сами зашептали слова молитвы, а персты совершили крестное знамение. Придя в себя, пошел дальше. Но странное было дело, никто этой радуги совсем не замечал, и я ее всем тогда показывал. Все останавливались, смотрели на нее и тоже удивлялись. Скоро и радуга исчезла. Только с крыш барабанила веселая капель, а на асфальте появились черные проталины. Словно кто-то пел свою веселую песенку, что скоро пройдет холодный март и наступит апрель, будет настоящая весна...

Дома, совершенно машинально, поставил что-то из Бетховена. Оказалось "L. Van Beethoven. Son. № 2, op. Largo Appassionato". С самых первых аккордов узнал это самое любимое мною глубокое произведение. Душа моя, будто бы раздвоилась. Одна часть ее плыла в волшебной музыке, а другая снова видела лицо этой странной девушки, скользившей по краю серебристой морозной дымки. Будто кто-то говорил мне ее слова о весне и любви, радости и грусти, о жизни, которая всем нам станет прекрасной"...

После этого рассказа все долго молчали и смотрели в окно, где снова кружила снежная метель...

Быдло

В помещении центра приема платежей Петроэлектрос-быта привычно многолюдно. Можно пристраиваться в хвост длинной очереди к любому из пяти рабочих окошек.

– Это где-то минут на сорок, – быстро сообразил Дремов и привычно занял очередь сразу в два окошка. Сегодня еще нужно успеть к 16 часам на кафедру.

– Ну и что вы прыгаете? – строго спросила его высокая блондинка лет 35 – и. – Где вы вообще стоите?

Она посмотрела на него равнодушным оценивающим взглядом, как смотрят на витрину в супермаркете.

– Женщина, не беспокойтесь, – добродушно улыбнулся Дремов. – Я не уйду из очереди.

– Какая я вам женщина? Тоже мне, доктор-гинеколог нашелся. Для вас я – ДАМА. Понаехали сюда, деревня...

Дремов мог не относить к себе фразу "понаехали", но ругательная форма слова "деревня", его явно задела.

– Простите, может я и неправ, – он почувствовал, что его обращение прозвучало как-то привычно по-советски. – Но деревня-то здесь причем? Она всех нас хлебом кормит...

– Как же, накормили уже, – усмехнулась она, и презрительно бросила: – БЫДЛО!

Очередь дернулась, словно под ударом хлыста, охнула и неодобрительно загудела. Первой решительно отреагировала пенсионерка в вязаной шапочке, похожей на солдатский шлем.

– Какая же вы после этого дама? Да вы просто хамка, сударыня, стыдно!

– Вы меня оскорбили, – возмутилась блондинка. – Я никого конкретно не называла.

– А я именно вам это говорю и могу повторить еще раз. – Вы хоть знаете, что означает это слово?

Не ожидая ответа, старушка, победно сверкнув толстыми стеклами очков, продолжила дальше.

– Это слово, примененное сейчас вами в ругательной форме, польского происхождения и означает рабочий скот. Так раньше помещики презрительно называли своих бессловесных и покорных крестьян. Уверяю, что по части всех нас вы очень сильно ошибаетесь.

Блондинка зябко повела плечами и подняла на лице шарф до самых глаз, словно отгораживаясь от осуждения. В ее взгляде читалось упрямое непонимание и холодное презрение к окружающим.

Через час Дремов облегченно вышел на улицу. Сыпал мелкий снежок, и это как-то скрашивало мокрую серость и грязь. Улица дышала тихой ненавистью пешеходов к несущемуся без руля и ветрил транспорту и водителей к лезущим под колеса вездесущим пешеходам. У входа в метро "Комендантский проспект" сумрачная толпа стиснула его со всех сторон и понесла вниз. Он не сопротивлялся и плыл в этом потоке таких же, как он, хмурых пассажиров. Дремов и в жизни никогда особенно не выделялся, предпочитая плыть по течению. Он не был по своей природе бойцом и старательно избегал конфликтов.

Настроение у Дремова было скверное. Он сегодня в очередной раз смолчал и теперь думал о том, как поскорее забыть эту неприятную историю. Но слово "быдло" словно засело в нем – видно, задело. Стоя на эскалаторе, он невольно косился на свои стоптанные ботинки, которые носил уже четвертый год. Неожиданно воротничок сорочки сдавил ему горло под галстуком, а рукава старенького дождевика показались предательски короткими. Да, у него маленькая зарплата! Но и его многие коллеги тоже не получают больше. Зато он любит свою работу. Вот уже 18-й год он читает лекции студентам и делает это хорошо. Только выходит, что умение учить уже не самое главное. Даже министр образования Дмитрий Ливанов говорит, что критерием успешности является уровень твоей зарплаты... Или мы его не так поняли? Но тогда

за чертой успешности останется большая часть сотрудников института. Что уж тут говорить о его родственниках из Вышнего Волочка? Опять это "быдло" привязалось: не такое оно старое, пахнущее нафталином... Нет, это не только те, кто одевается на рынке, не имеет мобильного, не пробовал Chateau Petrus 1997 года. Так за "быдло" можно всю Россию посчитать. Правда, так тоже некоторые думают... Это не лексикон, а целая система ценностей, холопская психология. Будет лукавством сказать, что в нем нет ничего от этого. Есть, конечно, тоже грешен... Пожалуй, это понятие совсем не соотносится с годовым доходом и интеллектом. Здесь у многих очевидная ошибка. Скорее, речь идет об отрицании личности во всех ее проявлениях, о достоинстве. Это неумение жить в условиях свободы, когда тебе становится страшно потерять хозяина и взять ответственность на себя.

Есть над чем подумать. Рука привычно набрасывает схему: личность, свобода, достоинство, собственность... Что-то пока не складывалось у него в привычную стройную систему...

Вечером Дремов заглянул к соседке Леночке за подсолнечным маслом и как-то незаметно для самого себя остался там ужинать. Как всегда, за столом Дремов был многословен и самокритичен. Леночка внимательно слушала и смотрела на него своими умными грустными глазами.

– Хороший ты и умный мужик, Дремов, но "совок". И за что тебя студентки любят? Ты же динозавр, птеродактиль... Как можно сегодня жить с такими мыслями в голове? Мне часто кажется, что ты из своих принципов выстроил себе целый дом, но крыша в нем давно течет. Живи проще. Знаешь, ведь и моя бухгалтерия тоже не слишком кормит. Зато какое отношение директора, ведь на мне вся отчетность и финансовые проверки. Я свою работу тоже люблю. Правильно говорят, что бухгалтерия это не профессия и не ориентация, а тяжелая форма умственной патологии, которую можно с успехом использовать в хозяйственной деятельности. Кстати, "о понаехавших"... Это очень спорное суждение. Как-то на корпоративном вечере по случаю юбилея нашей фирмы-вышел спор, кто же из нас "больше питерский". Есть такая фишка. Все принялись считать свои родословные до третьего и четвертого колена. Так вышел конфуз: наш генеральный директор, начальники отделов – все приезжие. Почему? Они больше мотивированы, им всегда больше нужно...

К утру за окном выпал снег. Мир снова стал белым и светлым. Дремов улыбнулся. Ему вдруг показалось, что теперь многое в жизни можно начать заново, с чистого листа.

Золотая рыбка

Сегодня отложил все дела и махнул на птичий рынок. Такой рынок, пожалуй, найдется в каждом городе. В Питере – это, конечно, Полюстровский. Был он раньше Кондратьевским, но для всех так и остался навсегда "Кондрашкой" или "Птичкой"...

Трясусь на автобусе 33-го маршрута по Белоостровской улице. Это вам не Невский проспект, здесь автобусы из нашего прошлого века. Не всех берут с собой в 21-й век. Вот и остановка "Абразивный завод Ильич". Безмолвные серые стены корпусов, почти кладбищенская тишина... Бывает и так... Завода давно нет – его тоже не взяли в наше светлое будущее. Название осталось, но уже как память...

В автобус входят трое: молодая мама с дочкой пяти лет и их бабушка... У ребенка неподвижное, упрямое лицо и надутые круглые щеки. Первой этого не выдерживает мама, длинноногая крашеная блондинка в узких джинсах...

– Сделай нормальное лицо, а не то отдам тебя твоему папаше.

Ребенок хмурится еще больше и крутит маленьким пальчиком у своего виска. В ответ мама делает то же самое и строго дергает дочку за куртку. Они становятся очень похожими, мама и дочь...

– Ха, нужна ты ему, блин...

Блондинка запросто делится со мной впечатлениями о трудностях воспитания ребенка. Одной тяжело крутиться, никаких сил не хватит...

– Откуда столько злости в детях... Вчера дочка снова подралась в садике, залепила жвачку в волосы подружке. Пришлось объясняться с родителями и воспитательницей. И еще, ребенок не хочет разговаривать, молчит и все...

– Ты чего молчишь? – снова обращается она к дочери. -

Что ты должна делать, ну?

– Я должна хорошо себя вести и разговаривать, мамочка, – заученно и тихо шепчет ребенок.

Для своего возраста она, действительно, говорит очень плохо, похоже, отстает в своем развитии. Проблемы со школой – это перспектива ее ближайшего будущего...

– Если будешь себя хорошо вести, я куплю тебе сегодня золотую рыбку, – говорит мама.

У ребенка впервые отгаивает и оживает лицо...

– Правда, мама, самую настоящую золотую рыбку? Я буду, буду... Только не отдавай меня папе. Я тебя с бабушкой люблю...

Бабушка отворачивается в окно, у нее наворачиваются слезы...

Молодая мама, кажется, не замечает этого. А может, просто привыкла к этому. Она смеется...

– Вот бы иметь настоящую золотую рыбку, чтоб желания исполняла. Я бы здесь тогда не сидела...

– Да ты всю жизнь свою рыбку золотую ждешь, Маша. Бабий век короток, – не выдерживает бабушка.

– Отстань, мама! Опять ты начинаешь свою песню! Сколько же можно...

Мы едем по Полюстровскому проспекту. За окном неэстетичная промышленная зона с редкими вкраплениями автосалонов в стиле хай-тек. Остановившиеся еще в лихие 90-е годы предприятия постепенно переоборудуются под бизнес-центры. Радует глаз любившийся когда-то многим из нас русский авангард промышленных застроек прошлого столетия. Во всем этом и сегодня чувствуется какая-то романтика ушедшего времени...

Чугунная улица... Фасады домов покрыты толстым слоем копоти прежних времен так, что их желтого солнечного цвета уже не разглядеть. Начинается сталинская застройка конца

30-х годов, площадь Калинина с памятником всесоюзному старосте и развлекательным комплексом "Гигант-Холл".

Мы вместе идем на птичий рынок. Он не только птичий, но еще вещевого и продовольственный. Совсем по-деревенски кричат горластые петухи и суетятся куры. Сразу сбавили ход, смотреть на все это интересно. Продвигаемся через бурлящую человеческую реку и заходим в полумрак аквариумного двора. В этом пестром, переливчатом и сочном царстве красок легко заблудиться. За стеклами аквариумов в огнях радужной подсветки мерцает вода, поднимаются пузырьками воздух. Среди них плывут таинственные акулы барбусы, голубые дискусы, жемчужные гурами, леопардовые данио и горбатые скалярии. Стайками резвятся светящиеся неоны и симпатичные усатые сомики. Это сказка и сладкий обман для непосвященных, надежный рынок у предприимчивых людей. Вот и золотые рыбки. Помогаю своим новым знакомым выбрать пучеглазую вуалехвостку. У нее округлое тело с отливающей золотом чешуей и шлейф из спадающих прозрачных плавников. Она важно шевелит жабрами и бесконечно глотает воду. Девочка благодарно сжимает мою руку и почему-то доверчиво не хочет ее отпускать. Золотая рыбка, помещенная в пластиковый пакет, скоро поглощает все ее внимание.

– А ей не будет скучно одной?

– Нет, теперь у нее будешь ты...

– Да, я буду любить ее. Она ведь тоже всегда молчит?

– Она не умеет говорить, но все видит и понимает. А еще золотые рыбки долго живут, и ты теперь будешь расти вместе с ней...

Купили вместе и маленький круглый аквариум, прощаемся. Ребенок еще долго оглядывается назад, отвлекаясь на наставления своей матери.

Теперь быстро делаю свои покупки и попутно общаюсь со знакомыми продавцами. Многие из них здесь стоят десятилетиями. Это большая часть их жизни.

Прохожу по всем рядам. Здесь много разной живности. Есть и экзотические экземпляры: террариумные вараны, ящерицы, змеи и крокодилчики. Бойкие торговцы предлагают свой товар, дают советы и рекомендации по содержанию. В декабре, под Новый год, здесь, в ангаре, случился большой пожар. Под своей тяжестью рухнула кровля, и тогда сгорело много птиц и рептилий.

Меня тянет к чему-то более знакомому, собакам и кошкам. Они здесь тоже совершенно необыкновенные. Со своею национальностью и придуманными на продажу родословными, как люди. Вот они... Ушастые и лобастые, игривые и веселые, тусклые и безразличные. Стоят, сидят или спят в импортных выставочных манежах и неудобных самодельных вольерах. Часто очень долго, месяцами ждут своих новых хозяев. Их такой жизни не позавидуешь...

Британцы, немцы, норвежцы... Серого волчьего окраса, молчаливый и могучий аляскинский маламут. Подвижные пятнистые долматины... Их изображения находили даже в раскопах древней Греции... Добродушные, лопоухие спаниели и длинные хитрющие таксы. Северные работяги лайки, всех видов и окраса. Преданные друзья человека лобрадо-ры, злые, недоверчивые кавказские овчарки и мохнатые тибетские терьеры. В роскошном будуаре спокойно дремлют шотландские вислоухие котята. Рядом посетителям предлагают британских плюшевых котят. Отдают и даром, в хорошие руки их беспородных расплодившихся собратьев. Пока малы и беспомощны – все они одинаково симпатичны, как любые дети...

За собачьими вольерами продают меха. Здесь это неизменная вотчина кавказских народов. Ряды норковых шапок и горы черно-бурых лисьих воротников. Рядом висит огромная седая медвежья шкура с клыкастой головой и лапами. Когти на них больше моих пальцев...

Обращаюсь к пожилой женщине. Она сидит рядом и вяжет шерстяные носки. Покупателей здесь нет, не сезон.

– Сколько стоит эта шкура?

– 135 тысяч...

Всего-то, и можно стать обладателем такого роскошного охотничьего трофея. Не убить самому, а купить и бросить к ногам любимой женщины. Так сейчас тоже делают, даже дешевле для здоровья обходится...

– Малхаз, тут твою шкуру спрашивают, – зовет хозяина скучающая торговка.

Появляется бородатый, ладно скроенный кавказец невысокого роста. Настоящий джигит, походка мягкая, кошачья. Он снисходительно улыбается.

– Ты глупая женщина, Фатима! Еще не родился на свете человек, который может купить мою шкуру... Я продаю шкуру медведя, есть шкуры волка и лисицы.

Теперь он поворачивается ко мне всем корпусом, и уйти от него сразу уже невозможно. Малхаз разворачивает и нахваливает свой товар, умело встряхивает шкурки и дует на серебристый длинный мех. Щелкает языком, его темные выпуклые глаза алчно вспыхивают.

– Хороший товар, брат! Выбирай, тебе дешево отдам...

Благодарю хозяина и иду прочь. Начинает капать дождь. Осторожно заглядываю в свою сумку. В надутым пластиковом пакете деловито плывут полосатые скалярии, вечные черно-белые спутники моей жизни.

В золотую рыбку я никогда не верил...

Игра

Виктор посмотрел на свои карманные часы. Часы были памятные, подарочные. С надписью на крышке: ему, инженеру-испытателю от начальника космодрома по случаю увольнения со службы. Он даже шутил потом, что по этим часам время и летосчисление идет не от Рождества Христова, а от начала космической эры. Сегодня он их сам завел по случаю. Часы показывали без четверти десять вечера.

Покосившись на Катю, свою жену, он не торопясь открыл бар и, не доставая бутылки, тихонько налил себе стопку водки. Тарелка с горячей толченой картофелиной и соленым огурчиком уже стояла в полной готовности. Казалось, что Катя совершенно погрузилась в социальные сети у монитора и ничего не видит. Однако, едва Виктор потянулся к стопке, волнительно сделав при этом глотательное движение, как она тут же отреагировала на его действия.

– Чего ты прячешься, как мальчишка-проказник. Не удивишь, что я тебя не знаю или не с мужиком живу?

– А так вкуснее, когда ты этого не замечаешь, – отшутился он. – Молодость свою вспомнил.

– Да, вы на космодроме все нормы по выпивке выполнили на всю оставшуюся жизнь. Лучше что-нибудь другое из прошлого вспомни.

Она задумалась о чем-то своем на мгновение и присела с ним рядом. Смотреть – не всегда значит видеть.

– Налей и мне, только самую капельку. Как когда-то.

Она улыбнулась. Это "когда-то" случилось в их молодости. Тогда найти даже самое простое вино в их гарнизоне было очень трудно.

Виктору почему-то окончательно расхотелось выпить. Однако стопка уже налита. Он печально вздохнул, выпил ее и закусил без всякого удовольствия. Ему стало грустно.

Плохо, когда такие маленькие удовольствия уходят из жизни. Вот и они с Катей так живут. Скука, все давно делается по обязанности или привычке. Она все чаще чувствует себя дома уставшей или "никакой": "Я после работы, как пустой пожарный шланг или овощ". Какая уж, здесь может быть любовь? Живем вроде вместе и, одновременно каждый сам по себе. Да, раньше Катя была совсем другой. Может, им стоит как-то встряхнуть это застоявшееся бытовое болото?

Ему вспомнились их первая встреча с Катей. Она была тогда светловолосой красавицей, студенткой третьего курса Ленинградского политехнического института. Мечтала о театре и с увлечением занималась в театральной студии. На городских новогодних елках ей традиционно отводили роль Снегурочки. На одном из таких вечеров они и познакомились. Больше никогда не расставались. Шли годы. Кате уже не предлагали роль Снегурочки, теперь она все чаще становилась на детских утренниках Бабой Ягой.

Виктор решил сыграть с Катей самый главный спектакль в их жизни. На следующий день он позвонил ей на работу и назначил свидание на мосту у Казанского собора в шесть вечера. Пусть все будет как тогда, двадцать шесть лет назад в дни их первых встреч. Катя охотно приняла эту игру. Кто знает, может быть, это действительно что-то изменит в их отношениях?

Они снова брели вдоль канала и так же, как прежде зашли в кафе "Щелкунчик" на улице Союза Печатников. Он купил ей в киоске цветы, красные розы. Тогда старушки продавали их просто на улице, возле моста. Виктор держал Катю за руку, осторожно и не очень ловко поцеловал в щеку. Потом он набрался смелости и пригласил ее к себе домой. Они зашли в лифт и долго целовались, пока он полз на предпоследний восьмой этаж. Теперь они оба стояли у окна, и он положил ей руки на плечи. Виктор тогда показывал ей панораму города. Только теперь соседние бетонные коробки новостроек давно закрыли вид на Финский залив вместе с

островом Котлин. Не видно теперь и Исаакиевского собора. Они оба даже не заметили, когда все это произошло. Он осторожно поцеловал ее в шею возле самого уха. Она вздрогнула, но не оттолкнула его. Виктор в тот момент понял, что все у них будет в этот вечер, все произойдет.

– Ты тогда сделал мне предложение, – сказала Катя. – Ты помнишь, что было потом?

Виктор посмотрел на ее погрузневшую фигуру и печально опущенные плечи. Память почему-то отказывала ему в этом.

– Ну, пожалуйста, вспомни. Это очень важно для меня...

Он ничего больше не мог вспомнить и снова начинал целовать ее. Ему уже хотелось близости, эмоции переполняли его.

– Нет, Витя! Это было не так. Ты еще не сказал мне самого главного и не лапал меня так быстро. Вспомни... Ладно, я сама скажу тебе. Ты взял меня на руки и закружил по комнате. Потом очень уверенно заявил, что больше никуда и никогда не отпустишь. Потому что любишь меня.

Виктор помнил об этом, он совсем не забыл. Просто не был уверен, что теперь сможет сделать это. Он все же подхватил Катю на руки и сделал несколько неуверенных шагов в сторону дивана, потом быстро опустил ее. Его сердце гипертоника бешено заколотилось.

– С тобой все хорошо? – спросила Катя и нежно погладила его по лысеющей голове.

– Конечно, со мной все в порядке, – бодрым голосом ответил Виктор.

Теперь все и всегда будет по-другому. Он снова обрел в себе нужную уверенность.

– Иди ко мне, – прошептала Катя и откинулась на подушку.

Они долго и медленно целовались. Их объятия становились все крепче, а движения сливались в едином порыве.

...Потом они оба долго и молча смотрели в окно на крышу соседнего дома, где реклама "Согаз" весело подмигивала им голубым пламенем всеобщей газификации страны. В это время что-то произошло с ними, но они сами еще не понимали этого.

– Послушай, Витя! – сказала Катя, нежно прижимаясь к нему. – Мне давно не было так хорошо с тобой. С того самого памятного дня 28 сентября 1986 года.

Виктор только улыбнулся ей в ответ. Он тоже сейчас об этом подумал. Они снова были вместе.

Все забудется...

Старый трамвай тормозит на каждом рельсовом стыке, а на кривом участке и вовсе, сыпет фейерверком искр из-под бугеля. Водитель сердито чертыхается, наблюдая сверху как юркие легковые автомобили, беззастенчиво перекрывают ему трамвайную колею.

Сегодня моя дорога к Черной речке не обещает быть короткой. Скучая, оглядываю едущих рядом пассажиров. У Елагина острова в трамвайный вагон входит молодая женщина с детьми. У нее они оба парни, цепляются друг к другу, словно молодые задиристые петушки. Активнее тот, что немного постарше, лет девяти с узкими злыми глазами. Кажется, его младшенький брат с ним чем-то сегодня не поделился. Изводить его доставляет ему заметное удовольствие. Мать не успевает разводить их по разным углам, только место в трамвае для этого не самое удобное. Нервы у нее, как натянутые струны, уже на пределе. Соседние пассажиры начинают ворчать и недовольно оглядываются.

– Дима, оставь Сашеньку в покое. Ты же старше и должен понимать, что так делать не хорошо, – говорит с упреком женщина.

Диме не нравятся такое замечание. Он легко переключается на свою мать.

– Мам, а ты куда ходила вчера вечером?

– На Испытателей ездила, оплатить счет в Петроэлек-тросбыт. Слушай, чего я перед тобой должна отчитываться?

– А наш папа говорит, что ты...

– Замолчи, что же ты такое говоришь? – глаза его матери быстро наполняются слезами.

Она испуганно оглядывается по сторонам. Пассажиры по большей части всего этого не замечают или намеренно делают безразличный вид. У каждого есть свои заботы. Другие, напротив, откровенно смеются над всем этим. Маленькая опрятная старушка, на переднем сидении внимательно выслушав весь этот разговор, неодобрительно покачивает головой. Теперь она живо обсуждает эту тему со своей соседкой. У них в жизни все было по-другому...

Дима улыбается с видом победителя и через некоторое время снова начинает потихоньку отвешивать щелчки своему младшему брату. Больше замечаний ему уже никто не делает. Его братишка краснеет и терпит. Он, молча, водит пальчиком по оконному стеклу, где быстро растекаются струйки начавшегося дождя. Осенний дождь скоро смоем грязные следы и все забудется.

В ожидании праздника

Все же удивительное место – Невский проспект. Здесь у Дымова неизменно возникает ощущение вечного праздника. Он сворачивает под арку на Малой Конюшенной и звонит в дверь парадной. Открыли быстро, похоже, гостей здесь давно ждали. Старенький лифт, дребезжа и качаясь, медленно везет его по стеклянному жерлу с наружной стороны здания. Во все щели проникает солнечный свет, и от подъема возникает ощущение крыльев за спиной.

Лифт останавливается где-то под самой крышей, в гостях у ласточек. Здесь находится арт-кафе, в котором сегодня состоится концерт авторской песни Саши П. Дымова на входе с улыбкой встречает коротко стриженная девушка-администратор и приглашает в бар.

Низкие кресла с подушками, тонконогие металлические стулья и столики. В баре плывет дым сигарет Dunhill и Virginia, посетители не торопясь потягивают коньяк из пузатых бокалов.

Дымов спросил зеленого чая без сахара и присел за свободный столик. Принялся набрасывать в блокноте новую статью. Он начинающий автор, публицист, и уверен, что для этой работы должен использовать каждую свободную минуту. За свою короткую творческую биографию Дымов уже успел отметиться публикациями в нескольких известных журналах, получивших одобрение самого... В общем, имя этого маститого писателя хорошо известно нашему просвещенному читателю...

Сюда Дымов пришел скорее для деловой встречи. А еще он, как всегда, ожидал звонка от близкого ему человека, Лизы. Их жизнь давно превратилась в сплошное ожидание, прерываемое цепочкой коротких встреч. Так все сложилось у них, и уже никто в этом не был виноват. Поэтому каждая новая встреча проходила у них как последняя, словно в омут головой... Что делать? Влюбленность всегда служит стимулом в жизни или означает ее полный крах...

Рядом за столиками сидели две компании молодых людей. Похоже, все они хорошо знакомы. В их манерах сквозила изысканная неторопливость и лень. Все при встрече нежно и дружески целовались, отвечивали друг другу шутливые комплименты. Скоро Дымов почувствовал на себе пристальный взгляд какой-то брюнетки с хорошо уложенным беспорядком в причёске и длинным тату на бледном плече.

Появился пожилой господин в очках. Грива его седых редеющих волос аккуратно убрана сзади в длинный хвостик. Он был чем-то похож на рок-музыканта первой волны.

– Всем привет!

– Андрей Петрович, дорогой, здравствуйте. Давно ждем...

Снова все обнимаются и целуются.

Вошел стриженный наголо человек лет сорока в кожаной куртке. Он тоже всем кланялся и заказал себе бокал светлого пива. Его представили как Александра Шаповалова, известного питерского литератора.

В баре обсуждали все. Модный пирсинг, длину платья на этот сезон и необходимость кальяна для хорошей компании.

– Кальян – это же процесс. Сел и действительно расслабился на 20–30 минут, а то и на час-полтора...

Наконец появился и сам Саша П. Он принялся подписывать всем желающим диски с записью своего нового альбома. О том, что концерт должен был давно начаться здесь, почему-то никто не вспоминал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.